

Сельва джеей - 1996 -
27 апреля - 2 июля (№22)
с. 4-7

«Я» - САМЫЙ

«Вообще-то я перестал давать интервью... Но для «7 Дней» сделаю исключение. Предыдущую историю от скандала, когда узнают, что я сотрудничаю с конкурентами. Налеюсь, всем известно, что «Антина» — это приложение к «моей» «Экспресс газете» и у нас один издатели?»

— Скажите, Стас, как Садыльский стал Скандальским?

— Как я стал вести рубрику «Скандальские новости»? В год еще газете «Супермен» узнали, что я, по натуре человек отчаянный и много чего знающий, с некоторых пор испытываю тягу к журналистике, и предложили вести эту рубрику. Но вскоре в силу своего ужасного характера и нетерпимости к компромиссам переругался со всей редакцией и ушел. Меня позвали в «Комсомольскую правду». Я сделал там два выпуска новостей и опять со скандалом ушел.

— Почему?

— Зам. главного редактора стал меня править, учить: делай не так, а так. И только в «Экспресс газете» я получил полную свободу.

— Даже несмотря на то, что вы ее подставляли? Вот Даша Асланова, как сообщила пресса, выиграла судебный процесс против вас и газеты... Сколько ей заплатили за нанесенный моральный ущерб?

— Никто ничего не платил. Даша Асланова молодец. Даже если бы и не было скандала, она бы его выдумала. У нас была негласная договоренность: давай, давай, больше раздувай.

ВЫСОКОПЛАЧИВАЕМЫЙ И СКАНДАЛЬНЫЙ...

Я не боюсь идти на конфликт и потому всегда подписываю свои материалы. Но обидно бывает, когда, например, после публикации — не моей — о том, что Пьеха сорвала концерты в Вильнюсе по причине пьянства, читаю в ее интервью: забудьте! Садыльский сделал из меня алкоголичку. Ну какой я забудьте?! Смешно.

— Успехи в детском театре уверили вас в безоблачном актерском будущем?

— Во всяком случае сомнений у меня не было: буду учиться на актера. И как только окончил интернат, украл у отца рублей двести и уехал поступать в Москву. Не поступил. Не приняли и в Ярославское театральное училище. Причем посоветовали и не рыпаться.

Вообще-то люди искусства любят быть замешанными в скандалы. Сальвадор Дали подчеркивал: «Самая большая мечта моей жизни — чтобы обо мне постоянно говорили. В крайнем случае — хорошее». А однажды Людмила Целиковская мне сказала: «Что-то давно не говорят, что я блядь, — теряю популярность».

— А не от генов ли пошло ваше «скандальство»? Ваши родители, я слышал, очень не ладили. Кончилось тем, что отец...

— Не хочу об этом говорить.

— Значит, о других можно, а о себе нет? Ну, хорошо. А про интернет, где вы оказались с братом после смерти мамы, расскажете? Как вас тогда называли?

— Меня дразнили Помидор-Помидор — потому что я играл в интернатском детском театре синьора Помидора в спектакле «Чи-поллино». Это, между прочим, была моя звездная роль. По гроб жизни буду благодарен завучу интерната Александре Степановне Шевцовой, которая разглядела во мне актерский талант.

— Почему?

— Из-за дефекта речи. У меня неправильный прикус. И тем не менее через год поступил в ГИТИС. Нашлись там люди, которые считают, что актеры бывают разные: и толстые, и тонкие, и с прикусом, и без. Главное, чтобы ты, засунув в сердце белую ниточку, выставлял красную — окрасил своей кровью, своей душой.

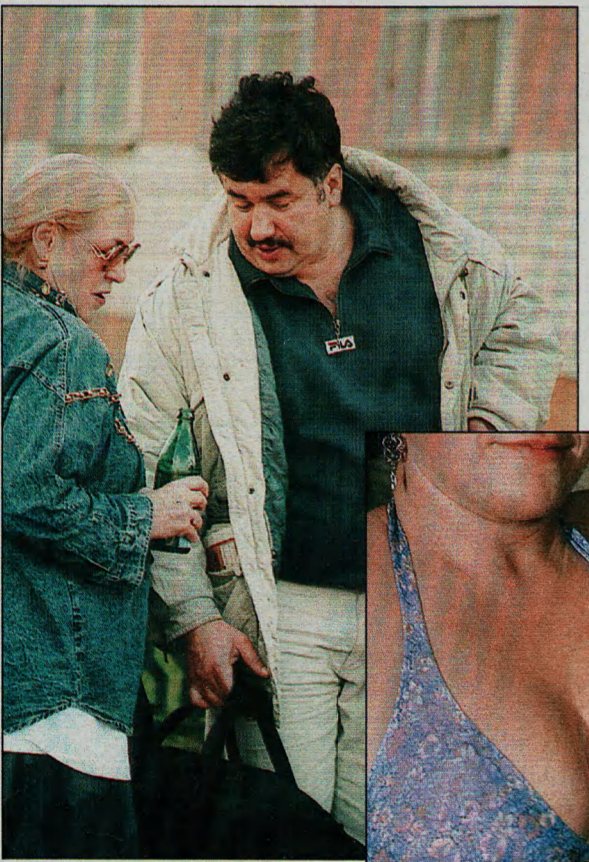
А тот год я проработал токарем в Ярославле, на моторном заводе. — к отцу не рискнул возвращаться и больше с ним не общался. Правда, получил от него письмо после того, как в интервью в «Собеседнике» я сказал, что отец меня избивал. Он возмутился: «Я тебя только раз сильно избил, а ты меня на всю страну опозорил».

— Неужели и в ГИТИСе скандалили?

— А как же? Не люблю, когда мной командуют. Чуть было не выгнали, когда на заходил на картошку поехать. Очень плохо учился — только по актерскому мастерству были пятерки. Меня любили мои педагоги — Григорий Григорьевич Конский и Ольга Николаевна Андровская — и часто вырвали. Так что я — ученик учеников Станиславского, и очень горжусь этим.

— По распределению вы попали в театр Маяковского, но что-то уж очень мало там проработали...

— Два дня. Но не по распределению попал — получил приглашение от самого Гончарова. И на первой же репетиции он стал на меня кричать. А я не выношу, когда на меня кричат. И если не могу ответить на грубость, теряюсь, у меня слезы на глазах выступают. В

— Каким образом?

— Брал, например, бюллетень. И как ни пытался, так и не смог меня подловить. А иногда... Ставил как-то спектакль Ион Унгуриану, ныне министр культуры Молдавии. Я ему прямо сказал: в массовке у вас играть не буду. Он мне — старую сказку о том, что нет маленьких ролей, есть маленькие артисты. Ерунда: есть и маленькие роли, и маленькие артисты. Это Станиславский придумал для дураков — а сам-то он только главные роли играл. Унгуриану: «Все равно вас назначу». Я: «Тогда на первой же репетиции скажу, какой вы дурак». На ре-

петиции меня не вызывали — на этот спектакль.

— Но именно благодаря «Современнику» вы смогли впервые поехать за границу...

— О, это любопытная история. Я ведь долго был невезедным — без всяких на то объяснений. Однажды меня и Риту Терехову в Америку пригласили — не пустили. Ее — потому что к ней тогдашний министр кино сильно приставал, а она... Но вот почему меня — понятия не имею.

Так вот, поскольку я был секретарем комсомольской организации театра — она состояла из меня и Лены Кореньевой, — пришлось бывать в райкоме. И там мне предложили путевку в Югославию — за 300 рублей. Это были фантастические для меня деньги — я получал 70 в театре. «А вы сделаете «привлеченку» — тогда бесплатно поедете», — предложили мне. — «Как это?» — «Сыграйте спектакль в фонд памяти погибших коммуни-

стот момент я не мог ему ответить. А потом сказал: «Научитесь, Андрей Александрович, разговаривать с артистами, прежде чем их приглашать». За эту выходку через несколько лет Гончаров мне отомстил, когда я пришел на премьеру какого-то спектакля по Шукшину. Администратор дал мне контрамарку без места, стою, жду, чтобы сесть на свободное. Вдруг ко мне обращаются: «Можно вас на минутку?» Оказывается, это Гончаров послал. Подходим к нему. И он: «Покажите этому человеку, где выход из нашего театра». Вот так.

— Но и в «Современнике» у вас не заладилась, хотя в кино был целый ряд интересных работ, а после телефильма «Место встречи изменить нельзя» вы стали знаменитостью...

— Давайте договоримся: ни слова про Кирпича. НЕ-НА-ВИ-ЖУ эту роль! Шестнадцать лет каждый день слышу: Кирпич, кошелек. Обрыдло.

— А о какой картине приятно говорить?

— Лучшую свою роль — спермодонора — я сыграл в прошлом году в фильме молодого режиссера-дебютанта Владимира Зайкина «На кого бог пошлет». Моей партнершей была Лариса Удовиченко. Как приятно было с ней сниматься! Если б не она — не видать мне награды за эту роль на фестивале «Созвездие». Это она настояла, чтобы картина и моя роль в ней участвовали в конкурсе. И потому, получив на закрытии фестиваля призовой чек на 20 миллионов рублей, я тут же подарил его Ларе (см. фото). Она не захотела брать. И в конце концов мы этот чек сожгли. Такие вот люди артисты. Знаете, как Чехов сказал? «Странные люди эти артисты. Да и люди ли они вообще?»

А в «Современнике» у меня действительно не заладилась: почти десять лет провел в массовке. Я, конечно, боролся изо всех сил...

стов». Я напрямую на почту даю телеграмму: «Москва. Кремль. Генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу. Дорогой Леонид Ильич, коллектив театра «Современник» единодушно решил в свой выходной день дать спектакль «Вечно живые» и все сборы от него передать в фонд памяти погибших коммунистов. Секретарь комсомольской организации Садыльский». Копию телеграммы несущ Волчек. Она: «Ты дурак?» — «Вы против, Гал-

лина Борисовна?» — «Я — за. Исчезни». И мы сыграли спектакль. И я поехал в Югославию.

— Вы снимались у многих известных режиссеров. С ними не конфликтовали? С Рязновым, например...

— Было, было... Но я к нему очень хорошо отношусь, считаю его настоящим гражданином нашей страны. На съемках фильма «О бедном гусаре замолвите слово» ему очень помогла жена, Нина Скуйбина, Царство ей Небесное, удивительная, потрясающая женщина. Она сдерживала Эльшара Александровича. Без нее, думаю, картина не состоялась бы, по крайней мере в том актерском составе. Она была для него, простите за высокопарность, путеводной звездой. И мне она помогла, сдерживала. У меня была драка с Леоновым, и если б не она...

— С Леоновым вы окончательно помирились, говорят, весьма оригинальным способом...

— Это уже было после съемок, закончилось последнее озвучивание. Мы с Леоновым поджидали машину, чтобы развезти по домам. Погода была изумительная: только что выпал первый снег. Машины все не было. Молча стоим. Вдруг Евгений Павлович спрашивает: «Знаешь, как писают фашисты?» И на девственно белом снегу стал вырисовывать желтую свастику. Я обалдел: «А большевики как?» Звезду мы стали рисовать вместе, и от обиды не осталось и следа.

— Хорошо вы сказали о жене Рязанова: путеводная звезда... А ваша жена?

— Я женился очень рано, еще студентом, на финке, которая старше меня на 15 лет... Она ни слова по-русски, я так и не научился на финском. Обходились без слов — жестиами.

— Как же вы, извините, сошлись с...

— ...Пирио-Лиза-Телерво-Канисто. Она пришла на спектакль в театр Ермоловой, и я ее там «снял». Это сейчас иностранцев пруд пруди, а тогда они были редкостью. А тем более финка, да еще в таких шмотках! Не то чтобы красивая, но в общении интересная и эффе-фетная. Отправившись мы в ее гостиничный номер и неделю из него не выходили. Еду нам из ресторана приносили. Такая вот бешеная была страсть — будто в последний раз. Самому приятно вспомнить: неужели я был такой сексуальный гигант?

Потом у нас родилась дочь, сейчас ей двадцать один. Я одно время наезжал к ним в Хельсинки. Но хватало ума там не остаться. И мы развелись. Я же актер, а актер должен жить в своей стране — иначе он себя потеряет. Не знаю исключений из этого правила.

— Сейчас общаетесь с бывшей женой, дочерью?

— Нет, все это осталось в той жизни. Хожу в холостяках и прекрасно себя чувствую. Я — один из самых высокооплачиваемых в стране актеров. За «Скандальские новости» получаю, наверное, высшую журналистскую ставку — 6 миллионов рублей в месяц. Не гнушась сняться в рекламе. Совсем недавно, например, фирма «Сони» предложила 20 тысяч долларов за рекламу телевизора. Я запросил 25 тысяч плюс самый современный телевизор. Они отказались. Отказались — и хорошо. Понт дороже денег.

Геннадий БЕЛОСТОЦКИЙ

